

Научная статья

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-3/10-17>

К интертекстуальным функциям *рамы текста* «Поэмы без героя»: эхо английской романтической поэмы

Любовь Геннадьевна Кихней¹, Анна Владиславовна Ламзина²

¹ Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, Российская Федерация

² Московский физико-технический институт, Москва, Российская Федерация

¹ Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы, lgikhney@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0342-7125>

² Кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков, alamzina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6464-9675>

Аннотация. Специфика рамочного комплекса «Поэмы без героя» Анны Ахматовой заключается в том, что семантика компонентов, в неё входящих, отсылает сразу к нескольким источникам, и важнейшую роль среди компонентов, входящих в раму Поэмы, играют аллюзии к произведениям английских романтиков, и прежде всего к Дж.Г. Байрону. Авторы показывают, что Ахматова нередко «прячет» байроновские аллюзии в рецепции из пушкинских поэм (преимущественно «Евгения Онегина»), помещая их в рамочный текст. В статье доказывается, что этот приём применяется Ахматовой для выстраивания жанровой генеалогии собственной поэмы, восходящей к традиции поэм английских романтиков, опосредованных жанровым опытом А. Пушкина. Причина обращения к романтической традиции, по мнению авторов, лежит в трагических личностных и эпохальных коллизиях, жанровым осмыслением которых смог стать преображенный Ахматовой канон романтической поэмы, родоначальником которой был лорд Байрон.

Ключевые слова: рама произведения, заглавие, эпиграф, примечания, заголовочно-финальный комплекс, канон романтической поэмы, интертекст, Ахматова, Байрон, Шелли, Пушкин

Для цитирования: Кихней Л.Г., Ламзина А.В. К интертекстуальным функциям *рамы текста* «Поэмы без героя»: эхо английской романтической поэмы // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 3. С. 10–17.

Original article

To the intertextual functions of the *frame of the text* “Poem Without a Hero”: an echo of the English romantic poem

Lyubov G. Kikhney¹, Anna V. Lamzina²

¹ Griboyedov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russian Federation

¹ Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, lgikhney@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0342-7125>

² Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, alamzina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6464-9675>

Abstract. The specificity of the frame complex of Anna Akhmatova's "Poem without a Hero" lies in the fact that the semantics of its components refer to several sources at once, and allusions to the works of English Romanticists, primarily to J. G. Byron, play a crucial role among the components of the Poem's frame. The authors show that Akhmatova often "hides" Byron's allusions in the reception of Pushkin's poems (mainly "Eugene Onegin"), placing them in a frame text. The article proves that this technique is used by Akhmatova to build a genre genealogy of her own poem, which is based on the tradition of English Romantic poems and the genre experience of Alexander Pushkin. According to the authors, the reason for turning to the romantic tradition lies in the tragic personal and epochal conflicts, which were reflected in the genre of the romantic poem, transformed by Akhmatova, whose ancestor was Lord Byron.

Key words: frame of a work, title, epigraph, notes, title-final complex, canon of a romantic poem, intertext, Akhmatova, Byron, Shelley, Pushkin

For citation: Kikhney L.G., Lamsina A.V. To the intertextual functions of the *frame of the text* "Poem Without a Hero": an echo of the English romantic poem. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 3, pp. 10–17. (In Russ.).

Введение

В современном литературоведении начало и конец текста (или его частей) принято обозначать терминами или *рама текста* (фр. *cadre*, англ. *frame*, нем. *Rahmen*, исп. *marco*), или заголовочно-финальный комплекс. Начало текста (выделенное графически) может включать в себя следующие компоненты: имя (псевдоним) автора, заглавие, подзаголовок, посвящение, эпиграф(ы), предисловие (вступление, введение, в некоторых случаях – пролог). Основной текст может быть снабжён авторскими примечаниями, печатающимися либо на нижнем поле страницы, либо после основного текста.

Обязательность/факультативность тех или иных рамочных компонентов в значительной степени определяется жанровой принадлежностью произведения. Важнейшим из них для эпических и драматических произведений, лирики «больших форм», лиро-эпоса является заглавие. Организующая роль рамочных компонентов особенно очевидна при обращении к произведениям, имеющим сложную композицию, в которых соединяются стилистически неоднородные компоненты. Именно к таким произведениям относится «Поэма без героя» Анны Ахматовой.

Одна из ярких особенностей рамочного комплекса «Поэмы без героя» заключается в его интертекстуальной природе. Почти все компоненты – заглавие, подзаголовок, эпиграфы, предисловие, примечания – отсылают к текстам предшественников, преимущественно классикам – как русским, так и зарубежным. В настоящей статье мы же ставим **задачу** вычленив среди многочисленных интертекстуальных отсылок, содержащихся в раме «Поэмы без героя», английский след, а точнее след английской романтической поэмы.

Важно заметить, что художественный текст функционирует одновременно и как отдельное произведение, и вступает в «диалогические отношения» не только с читателем, но и

с другими текстами. Эпиграфы (большая часть которых – цитаты), жанровые подзаголовки (подразумевающие наличие определённого литературного ряда) подчёркивают открытость границ текста, его соотнесённость (иногда через иронию и отрицание) с текстами других авторов и других эпох. Отсюда следует, что рамочные компоненты заголовочно-финального комплекса целесообразно рассматривать не по отдельности, а в их связи друг с другом и с основным текстом произведения, так как выполняемые ими функции могут перераспределяться и между собой, и между внутритекстовыми компонентами.

С помощью **интертекстуального, системно-типологического и рецептивного методов** выявим причины индексированного обращения Ахматовой к дискурсу английской поэмы и к её родоначальнику – Байрону.

Из исследований, касающихся выявления английских рецепций в «Поэме без героя», ценной нам представляется статья Г.П. Михайловой «“Миф о поэте” Анны Ахматовой в западноевропейском литературном контексте: интертекстуальный анализ» [4]. Немаловажной для наших изысканий оказалась также и статья О.Е. Рубинчик «Шелли и Байрон в “Поэме без героя”: изобразительный подтекст» [9].

Семантика и поэтика заголовочного комплекса ахматовской поэмы неоднократно становилась объектом внимания исследователей. И здесь прежде всего нельзя не упомянуть одного из первых исследователей идиопоетики Ахматовой, академика В.М. Жирмунского (в академическом формате издавшего ахматовскую поэзию (в серии «Библиотека поэта») и тонко прокомментировавшего эпиграфы, заглавие поэмы, а также её финальный комплекс – так называемые «Примечания редактора») [3].

Из особенно значимых для нас трудов, касающихся заголовочно-финального комплекса поэмы, прежде всего укажем комментарий к фундаментальному труду «Я не такой тебя когда-то знала...» (осуществлённый под редакцией Н.И. Крайневой), посвящённому творческой истории и текстологическому анализу всех редакций «Поэмы без героя» [11]. Публикаторы и комментаторы поэмы, во-первых, собрали, систематизировали и прокомментировали эпиграфы, посвящения и прочие рамочные элементы к разным редакциям и спискам Поэмы, а во-вторых, дали к ним необходимые биографические и историко-литературные пояснения. Специальных работ, посвящённых отражению топики английской романтической поэмы в заголовочно-финальном комплексе «Поэмы без героя», к настоящему времени нет, что придаёт особую актуальность теме настоящего исследования.

Результаты анализа

По нашим наблюдениям, Ахматова возводит генезис «Поэмы без героя» к английской романтической поэме. И эта жанровая традиция дана Ахматовой как эксплицитно, так и имплицитно.

К эксплицитным отсылкам можно отнести пассаж из метаописательной *Части второй* «Триптиха», где восстанавливается жанровая родословная ахматовской Поэмы. В XXIII строфе читаем: «А столетняя чаровница / Вдруг очнулась и веселиться / Захотела...» [1, с. 340]. «Столетняя чаровница» сопровождается *авторским примечанием* (то есть тем же рамочным текстом!): «Романтическая поэма» [1, с. 340]. А далее, после XXV строфы, обнажающей родство «столетней чаровницы» с биографическим и литературным мифом Байрона и Шелли, последняя утверждает: «Я не та английская дама <...>, Вовсе нет у меня родословной...»

[1, с. 341]. Но ведь именно о жанровой родословной идёт речь в метаописательных фрагментах «Решки».

Обратим внимание на то, что, помимо эксплицитных пассажей относительно жанровых корней ахматовского «Триптиха», в поэме есть потаённые, скрытые рецепции к английским романтикам. Они зачастую спрятаны в отсылках к А.С. Пушкину. Причины подобного «сокрытия», приводящего к эффекту интертекстуального «слоёного пирога», мы постараемся показать.

Отсылки к «Евгению Онегину». Первый эпиграф – «Иных уж нет, а те далече». Пушкин стоит перед прозаической преамбулой «Вместо предисловия», то есть открывает Поэму. Он расширяет и одновременно шифрует смысл предисловия, обозначая потаённые мотивы Поэмы (её реквиемное «эхо»). Но его семантическая функция заключается не только в этом: эпиграф задаёт алгоритм «зеркального письма», нужный автору для выстраивания интертекстуального генезиса своей поэмы.

Обратим внимание: автор даёт отсылку к пушкинской цитате, которая в контексте 51 строфы VIII главы «Евгения Онегина» отсылает к цитате Саади: «Но те, которым в дружной встрече / Я строфы первые читал... / Иных уж нет, а те далече, / Как Сади некогда сказал» [5, с. 417]. Но Саади (Сади) в то время ещё не был переведён на русский язык, а воспринимался Пушкиным, как доказал В.Д. Раков, в контексте романтических поэм Байрона («Осада Коринфа») и Томаса Мура («Лалла Рук») [7].

Таким образом, эпиграф становился шифром, ключ к которому находился в тексте-источнике (поэме¹ Пушкина «Евгений Онегин»). Но этот источник, в свою очередь, отсылал к другому источнику, а именно – к Саади и одновременно – к английским романтическим поэмам с «восточным» колоритом. «Восточные» поэмы Байрона и Мура Ахматова, профессионально изучавшая истоки творчества Пушкина, несомненно, учитывала при выстраивании жанрового генезиса поэмы. Но здесь отсылка, разумеется, и к «восточной» поэме самого Пушкина – к «Бахчисарайскому фонтану», где впервые возникло имя Саади.

Принцип использования жанровых отсылок в двойной функции (как смыслового кода и как способа расширения рецептивного поля) Ахматова обнажает в одном из «Примечаний редактора». Комментируя приём пропуска строк, она в ряде редакций, в том числе и в последней, 9-й (1963), в 21-м примечании поясняет: «Пропущенные строфы – подражание Пушкину. См. “<О>б Евгении<и> Онегине”: “Смиренно сознаюсь также, что в Дон Жуане есть две пропущенные строфы”, – писал Пушкин» [1, с. 345]. Пушкин в статье «Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения» (1830) перед процитированной Ахматовой фразой пишет: «Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию. Что есть строфы в “Евгении Онегине”, которые я не мог или не хотел напечатать, этому удивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа, и поэтому означается место, где быть им надлежало. Лучше было бы заменять эти строфы другими или переправлять и сплавливать мною сохранённые...» [6]. Сравнение ахматовского примечания с приведённой пушкинской заметкой убеждает нас в том, что Ахматова «подражает» «тайнописи» русского классика, указывающего на пропуск неподцензурных строк посредством отсылки к авторитету Байрона. Ссылка на Пушкина предполагает осведомлённость читателя о цензурных причинах пропуска

¹ Важно уточнить, что по глубокому убеждению Ахматовой, «Евгений Онегин» по своим жанровым признакам является *поэмой*, а не романом.

строф в «Евгении Онегине», что заставляет предположить, что и в «Поэме без героя» на месте пропусков должны быть «крамольные», «потаённые» строфы.

Ахматовская (и в анамнезе) пушкинская игра с читателем усугубляется тем фактом, что в «Дон Жуане» Байрона пропущенные строфы появились именно по цензурным причинам, однако без ведома автора. Ср. упрёки Байрона в письме к Меррею (от 31 августа 1821 г.): «На каком основании вы пропустили одну из заключительных строф, которые я послал дополнительно? <...> Прошу восстановить все пропуски (кроме строфы о Семирамиде) – в особенности строфу о браке в “Турции”» [2, с. 369].

Нетрудно заметить, что продемонстрированная интертекстуальная цепочка (когда рамочный текст отсылает к другому тексту (в данном случае, к пушкинскому), который, в свою очередь, отсылает к третьему тексту или сразу к нескольким текстам) и есть то самое «зеркальное письмо», о котором Ахматова пишет в «Решке» как о своём открытии.

Как мы видим, одной из «точек сборки» интертекстуальных проекций выступает жанровый «ген» романтической поэмы, возводимой Ахматовой – через Пушкина – к английским романтикам, и прежде всего к Байрону. Байроновские поэмы воспринимаются ею как эталонный образец романтических поэм, предтеча пушкинских поэм, включая «Евгения Онегина», которого она также считала поэмой. Н. Роскина приводит суждение Ахматовой на эту тему: «Про “Дон Жуана” Байрона: “Прекрасно, но наш “Онегин” как бабочка выпорхнул из него!”» [8, с. 530].

В то же время генезис «Поэмы без героя» восходит, в представлении Ахматовой, к байроновским поэмам, и шире – к английским романтическим поэмам – как каноническим образцам романтических поэм вообще. Докажем это.

Во-первых, поэтесса даёт заглавие своей Поэме, опираясь на первый стих поэмы «Дон Жуан» Байрона: («I want a Hero!»). Впервые эта отсылка указана В.М. Жирмунским, который поясняет, что «Байрон сетует на то, что в современности нет героев для поэмы» [3, с. 513]. В «Прозе о Поэме» Ахматова так комментирует заглавие «Триптиха»: «Того же, кто упомянут в её заглавии <...>, в Поэме действительно нет, но многое основано на его отсутствии...» [1, с. 358].

Во-вторых, Ахматова отождествляет образ «романтической поэмы» с поэмой Байрона «Беппо». Так, в примечаниях к *Четвёртой редакции* (1946) «Поэмы без героя» читаем: «Столетняя чаровница – романтическая поэма, вроде “Беппо” Байрона» [11, с. 660].

В-третьих, Ахматова к ранним редакциям «Триптиха», в частности к Первой (1942) его редакции, ставит эпиграф из байроновского «Дон Жуана»: «In my hot youth, when George the III was King... / Don Juan» [11, с. 165].

Кроме того, эти аллюзии, помещённые в заголовочный комплекс, подкреплены рецепциями на Байроновские произведения в самом тексте Поэмы. Так, автор отсылает читателя к байроновской поэме «Манфред» посредством словосочетания «Манфредовы ели» [1, с. 340]. Причём этот образ появляется в контексте метаописательных рассуждений о романтической поэме. Знаменательно и само упоминание имени Байрона: «И факел Георг держал» [1, с. 340] в «Решке».

Но последняя из указанных рецепций Байрона представляет собой проекцию не на литературный текст, а на жизненный, отсылая к трагической ситуации похорон Шелли, на которых присутствовал Байрон. Поэтому и отсылки к Шелли стоят в том же ряду апелляции Поэмы не только к искусству, но и к жизненным коллизиям.

С одной стороны, Шелли для Ахматовой важен как автор романтических поэм, одну из которых, а именно поэму-трагедию «Ченчи», она собиралась переводить в 1936 году. Кроме того, Ахматову заинтересовал его философский этюд «Защита поэзии», который, как справедливо указывает Г.П. Михайлова [4], был реминисцентно отражён в первой главе Поэмы – в контексте рассуждений о «поэте вообще». Эти реминисценции показывают, что Ахматова хорошо знала этот трактат. В нём Шелли дал «метасодержательное» определение жанра поэмы, которое должно было бы импонировать Ахматовой. Поэма в интерпретации Шелли – «...это картина жизни, изображающая то, что есть в ней вечно истинного. Отличие повести от поэмы состоит в том, что повесть является перечнем отдельных фактов, связанных только отношениями времени, места, обстоятельств, причины и следствия; в поэме же действие подчинено неизменным началам человеческой природы, как они существуют в сознании их творца, отражающем все другие сознания. Первая представляет собою нечто частное, относящееся лишь к определённым времени и к известным сочетаниям событий, которые могут никогда более не повториться; вторая есть нечто всеобщее, заключающее в себе зачатки родства с любыми мотивами или действиями, возможными для человеческой природы» [10].

С другой стороны, упоминание в XXV строфе, в контексте рассуждений об истоках «Поэмы без героя», о трагической гибели Шелли и его кремации на берегу моря отсылает не только к литературным традициям английских романтиков (обратим внимание, что в строфе есть аллюзия и на стихотворение Шелли «To the Skilark», название и авторство которого дезавуировано в 24-м примечании в «Примечаниях редактора» [1, с. 345]), но к «тексту жизни», в котором оказываются объединены оба законодателя жанра английской романтической поэмы:

...на берег, где мёртвый Шелли,
Прямо в небо глядя, лежал, –
И все жаворонки всего мира
Разрывали бездну эфира,
И факел Георг держал.
[1, с. 340]

И Ахматовой нужна отсылка к биографической ситуации, потому что одна из центральных коллизий Поэмы – гибель Поэта. Таким образом, смерть Шелли служит как бы прелюдией к трагическим гибелям поэтов XX века и проецируется на их биографический код.

Тема похорон Шелли также становится шифром к гибели Мандельштама (второму адресату «Посвящения» к «Поэме без героя»), которая означена в заголовочной дате – 27 декабря 1940 года – второй годовщине гибели поэта. В «Посвящении» обнаруживаются те же семантические знаки – *глаза / взгляд, море, дым, хвоя, похороны* [1, с. 320], что и в XXV строфе, и отсылают они к поэтике Мандельштама периода Чердынской и Воронежской ссылки. Так, в «Посвящении» можно обнаружить скрытые цитаты из стихотворений Мандельштама «воронежского» периода, таких, например, как «Не мучнистой бабочкою белой...», «Лишив меня морей, разбега и разлёта...», «День стоял о пяти головах...». Складывается впечатление, что опорные образы этих стихотворений (*глаза, море, хвоя, похороны*) Ахматова имплицитно включает и в «Посвящение», и в XXIII строфу.

Но ситуация похорон Шелли трактуется не только в аспекте жизненных реалий, но также и в автометатекстуальном плане. Так, любопытной представляется перекличка эпизода погребения Байроном Шелли с кульминационной коллизией ранней поэмы Ахматовой «У са-

мого моря», герой которой, царевич, как и Шелли, утонул во время плаванья на яхте. Утонувший царевич (так же, как и Шелли) смотрел в небо (ср.: «Тихо лежал и глядел на небо»). Примечательно также, что погребение Шелли и смерть царевича сопровождается «птичьими» мотивами (ср. в поэме «У самого моря»: «Ласточка, ласточка, как мне больно!»).

Эти литературно-биографические переключки ставят раннюю поэму Ахматовой в одну генеалогическую парадигму с «Поэмой без героя». Отсюда следует, что Ахматова актуализирует в «Триптихе» традицию английских романтических поэм, на которую проецирует не только «Поэму без героя», но и свою первую поэму.

Заключение

В итоге в «Триптихе» английская романтическая поэма выступает как парадигматическая структура, проецируемая, с одной стороны, на жанровый опыт Ахматовой; с другой стороны – на те или иные биографические ситуации, которые могут быть прочитаны через романтический код. В романтическом дискурсе, по Ахматовой, стираются грани между жизнью и искусством. И жанр романтической поэмы реанимирован в «Поэме без героя» именно потому, что сами жизненные ситуации дали этому основание. Вот почему смерть Шелли прорастает в текст «Триптиха» и становится «аккумулятором» аналогичных ситуаций, как литературных, так и реально-жизненных.

Жанровые шаблоны английской романтической поэмы стали для поэта способом кристаллизации жизненных коллизий. Английская романтическая поэма, опосредованная традицией пушкинских романтических поэм, таким образом, оказывается некоей культурной универсалией, своего рода «категориальной сеткой», в рамках которой происходит осмысление трагических аспектов бытия и сознания. Архетип романтической поэмы, по Ахматовой, типологически обобщает роковые коллизии судьбы поэта.

И в этом плане рамочный текст играет роль смысловой матрицы, которая формирует у читателя целый комплекс представлений о произведении и становится отправной точкой его интерпретации. Ахматовский приём «семантической матрёшки», с помощью которого отсылки к английским романтикам «прячутся» в пушкинские тексты, позволяет установить сложную генеалогию романтической поэмы, сформированной в Англии, затем через Пушкина дошедшую до Ахматовой. Очевидно, когда Ахматова писала в «Решке»: «У шкатулки ж тройное дно» [1, с. 339], она имела в виду и рецептивную поливалентность своих интертекстуальных отсылок, рассчитанных на эрудицию и криптографические навыки читателей.

Список литературы

1. Ахматова А. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. 448 с.
2. Байрон Дж. Г. Дон Жуан. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1981. 608 с.
3. Жирмунский В.М. Примечания // Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1979. С. 445–523.
4. Михайлова Г.П. «Миф о поэте» Анны Ахматовой в западноевропейском литературном контексте: интертекстуальный анализ // *Respectus Philologicus*. 2003. № 3(8). URL: <http://filologija.vukhf.lt/3-8/mixajlova.htm> (дата обращения: 13.08.2025).
5. Пушкин А.С. Сочинения. М.: Олма-Пресс, 2002. 800 с.
6. Пушкин А.С. Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения URL: <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z00000005/st040.shtml> (дата обращения: 12.06.2025).

7. Раков В.Д. Саади // [Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН]. URL: <http://pushkinskijdom.ru/> (дата обращения: 13.08.2025).
8. Роскина Н. «Как будто прощаюсь снова...» // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В.Я. Виленин, В.А. Черных. М.: Советский писатель, 1991. С. 520–546.
9. Рубинчик О.Е. Шелли и Байрон в «Поэме без героя»: изобразительный подтекст // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 6. Симферополь: Крымский архив, 2008. С. 158–191.
10. Шелли Б.П. Избр. произв. Стихотворения. Поэмы. Драмы. Философские этюды. М.: Рипол Классик, 1998. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/SHELLY/shelley110.txt> (дата обращения: 10.07.2025).
11. «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории / Изд. подг. Н.И. Крайневой; под ред. Н.И. Крайневой, О.Д. Филатовой. СПб.: Мирь, 2009. 1488 с.

References

1. Akhmatova A. Works: In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Pravda, 1990. 448 p. (In Russ.).
2. Byron J. G. Don Juan. Collected Works: In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Pravda, 1981. 608 p. (In Russ.).
3. Zhirmunsky V.M. Notes. Akhmatova A. Poems and Poems. L.: Sovetsky Pisatel, 1979. P. 445–523. (In Russ.).
4. Mikhailova G.P. “The Myth of the Poet” by Anna Akhmatova in the Western European literary context: intertextual analysis. *Respectus Philologicus*, 2003, no. 3(8). URL: <http://filologija.vukhf.lt/3-8/mixajlova.htm> (accessed: 13.08.2025). (In Russ.).
5. Pushkin A.S. Works. Moscow: Olma-Press, 2002. 800 p. (In Russ.).
6. Pushkin A.S. Refutation of criticism and comments on his own works. URL: <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z00000005/st040.shtml> (accessed: 12.06.2025). (In Russ.).
7. Rakov V.D. Saadi. *Electronic publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences*. URL: <http://pushkinskijdom.ru/> (accessed: 13.08.2025). (In Russ.).
8. Roskina N. “It's as if I'm saying goodbye again...”. *Memories of Anna Akhmatova*. Compiled by V.Ya. Vilenkin and V.A. Chernykh. Moscow: Sovetsky Pisatel, 1991. P. 520–546. (In Russ.).
9. Rubinchik O.E. Shelley and Byron in “The Poem Without a Hero”: the visual subtext. *Anna Akhmatova: The Era, Fate, and Creativity. Crimean Akhmatovsky Scientific Collection*. Issue 6. Simferopol: Crimean Archive, 2008. P. 158–191. (In Russ.).
10. Shelley B. P. Selected works. Poems. Dramas. Philosophical sketches. M.: Ripol Classic, 1998. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/SHELLY/shelley110.txt> (accessed: 10.07.2025). (In Russ.).
11. “I didn't know you like this once...” by Anna Akhmatova. A Poem Without a Hero. Prose about a Poem. Sketches of a Ballet Libretto: Materials for a Creative History. Edited by N.I. Krainova; Edited by N.I. Krainova and O.D. Filatova. St. Petersburg: Mir, 2009. 1488 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 15.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Revised 19.09.2025.

Принята к публикации / Accepted 21.09.2025.